

На правах рукописи

Чурашова Екатерина Александровна

**ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ**

Специальность

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

7 НОЯ 2013

Казань – 2013 г.

005536902

Работа выполнена на кафедре философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный энергетический университет».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВПО «Казанский государственный энергетический университет»
Тайсина Эмилия Анваровна

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»
Дергунова Нина Владимировна

кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ГБОУ ВПО Московской области «Академия социального управления»

Сересова Ульяна Игоревна

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет»

Защита состоится «28» ноября 2013 года в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.081.06 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу; 420008, г. Казань, ул. Пушкина, 1/55, ауд. 205.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, ул. Кремлевская, д. 35). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК РФ <http://vak.ed.gov.ru> и официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета: <http://www.kpfu.ru>

Автореферат разослан «28» октября 2013 года

Ученый секретарь
диссертационного совета, кандидат
исторических наук, доцент

В.Ю.Дубровин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования определяется возрастанием в последнее время уязвимости политических лидеров перед информационными атаками оппонентов и средств массовой информации в кризисной ситуации, что требует от политика быстрого и адекватного реагирования. Неудачно сформированный защитительный дискурс может стоить политику не только безвозвратной потери репутации, но и дестабилизации политической ситуации в регионе.

В XX веке политические коммуникации, как и функции политических лидеров, претерпели кардинальные изменения. В начале столетия коммуникация в политике представляла собой большей частью медленный односторонний процесс, носящий скорее информационный характер. Граждане и подданные государств практически не имели широкой возможности следить, контролировать и тем более серьезно влиять на политические решения власти. С развитием средств массовой информации граждане получали все больше и больше возможности следить за действиями политиков пока, в конце концов, СМИ не включились в конкурентную борьбу за интерпретацию событий. В одних государствах такая борьба началась еще в середине XX века, в других – еще только разгорается. В информационную эпоху каждое движение политиков потенциально становится объектом обсуждения многих слоев населения. С одной стороны, общество получает возможность контролировать действия политических лидеров, давать оценку их действиям посредством СМИ и таким образом влиять на политические решения. С другой стороны, помимо основной обязанности – управления государством – у политического лидера возникает еще одна, не менее важная задача: управление информационным пространством. В связи с этим возникает новый тип политического лидера – риторический. Если для существовавшего ранее институционального лидера был характерен рассудительный и совещательный дискурс для взаимодействия с элитой, основными навыками которого были знание бюрократического аппарата и способность к принятию аргументированных решений, то для «риторического» лидера на передний план выходит умение убеждать, а власть частично основывается на популярном образе и народной поддержке. Потеря контроля над информационным потоком может привести к постепенной потере контроля над государством, а значит, и смещения центра политической силы. При возникновении кризисной ситуации, угрожающей потерей репутации политика,

происходит своего рода война интерпретаций спорного события, предложенных обвинителями в нарушениях с одной стороны и обвиняемого – с другой. Увеличение роли в информационном процессе сети Интернет, а также активное развитие практически не регулируемых сегодня законом социальных сетей усложняет задачу управления информационным потоком. В данных условиях единственно возможным способом остаться главным интерпретатором события становится политическая риторика. Таким образом, от политической коммуникации и дискурсивных стратегий в ситуациях кризиса во многом зависит легитимность политика, а также всего действующего политического режима.

Степень изученности проблемы.

Так как данное исследование во многом касается проблемы признания власти и ее поддержки обществом, необходимо обратить внимание на научные труды, посвященные проблеме легитимности власти. К данному вопросу обращались М. Вебер, Т. Парсонс, Д. Кола, М.В.Ильин, А.Ю. Мельвиль, А.И. Соловьев, С.Ю. Чумикова, А.В. Скиперских, Е.В. Реутов, Т. ван Льюен¹. Проблемы кризисных ситуаций в политике и обществе исследовали Г.Г. Почепцов Е.Ю. Канаева, М.Ю. Милованова, П.А. Гурьянов, Н.С. Розов, У. Бенойт, Дж. Б. Томпсон².

Методы дискурс-анализа разрабатывали такие ученые, как М. Фуко, Н. Фэркло, Р. Водак, Т. ван Дейк, П. Чилтон, К. Шаффнер, Э. Лакло, Ш. Муфф, Я. Торфинг, Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен³. Вплоть до 90-х годов XX века

¹ См. Кола, Д. Политическая социология/ Пер. с фр.- М.: 2001; Мельвиль А.Ю. Политология: учебник / А.Ю. Мельвиль [и др.]. Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; Проспект, 2013; Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000; Чумикова С.Ю. Политическая коммуникация как ресурс легитимности законодательной власти субъекта Российской Федерации: автореф. дис... по политологии. М. 2007; Скиперских А.В. Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политического дискурса// Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2007. № 8 (4).

² См. Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда// М.: Изд-во «Центр». 2004; Канаева Е.Ю. Институт власти в современном обществе: проблемы легитимации и делегитимации («кризиса легитимности») власти // Вестник Университета (Государственный университет управления) . 2012. № 4; Милованова М.Ю. Социальные ресурсы гражданского протеста в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 3; Гурьянов П.А. Массовые протесты в России: первые итоги и возможные пути развития// Тамбов: Грамота. 2012. № 8 (63); Розов Н.С. Общественно-политические кризисы – причинная динамика и возможности преодоления // Вестник НГУ. 2007. № 1 (5); Benoît W. L. Accounts, Excuses, and apology. State University of N.Y. Press, Albany: 1995; Thompson J.B. Political Scandal: power and visibility in the media age. Polity Press, 2000; Van Leeuwen, T. "Legitimation in Discourse and Communication" Discourse and Communication 1.1 (2007).

³ См. Torfing, J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges. In: Howerth D. & Torfing J. (edr.): Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy, and Governance, 2005; Дейк, ван Т. Дискурс и доминирование // Современный дискурс-анализ. 2009. №1; Chilton, P., Schäffner, C. *Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to*

исследование политического дискурса в кризисных ситуациях проводились только в странах Западной Европы и США. В конце XX века вопросы политического дискурса стали активно исследоваться и в России. Среди наиболее авторитетных отечественных исследователей политической лингвистики можно выделить А.Н. Баранова, Е.Г. Казакевича, М.В. Ильина, Н.М. Мухарямова, Л.М. Мухарямову, Е.И. Шейгал, М.В. Гаврилову, П.Б. Паршина, В.З. Демьянкова, А.П. Чудинова, М.Л. Макарова, В.В. Карасик, О.Н. Паршину, Е.В. Переверзева, Е.А. Кожемякина, Ю.А. Сорокина, О.Ф. Русакова⁴ и др. В российских научных изданиях очень мало исследований, касающихся политического дискурса в кризисной ситуации. Так, апологию непопулярного решения в политическом дискурсе анализируют А.М. Амагов, С.В. Иванова⁵. Антикризисные дискурсивные стратегии исследуют О.Н. Паршина, Е.В. Мадалиева, В.А. Марьянчик, М.Р. Желтухина, Т.Н. Митрохина, С.А. Домышева, О.В. Капкина⁶. Имеется достаточно обширный материал по исследованию взаимосвязи имиджа политика и его дискурса (Г.Г. Почепцов, Э.В. Будаев, К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская, Ф.И. Дотлаева, М.В. Берендеев), который также оказал существенный вклад в понимание антикризисного политического дискурса.

Political Discourse. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 2002; Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4.

⁴ См.: Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012; Карасик В.И. Языковые ключи. М.: ГНОЗИС, 2009; Шейгал Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России. М. 1999; Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2; Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М., 1997; Гаврилова М.Г. Методы и методики исследования политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 1(24); Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. 2002. № 3; Мухарьмов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука. 2002. № 3; Паршин Б.П. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике. URL: // <http://www/dialog-21.ru/Archive/2000>

⁵ См.: Амагов А.М. Политический дискурс и апология непопулярного решения // Политическая лингвистика. 2011. № 2; Иванова С.В., Конова М.А. Манипулятивные антикризисные стратегии // Политическая лингвистика. 2010. № 2.

⁶ Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007; Мадалиева Е.В. Изменение содержания понятия «исповедь» как результат манипуляционных технологий эпохи глобализации // Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. 2011. № 6 (2); Марьянчик В.А. Жертвоприношение как медиа-политический сценарий // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35); Митрохина Т.М. Динамика кризисного дискурса правящей элиты (по материалам официальных выступлений председателя правительства РФ в 2008-2011 гг.) // Вестник Пермского университета. 2012. №3; Капкина О.В. Оценочный аспект самопрезентации политиков в СМИ // Политическая лингвистика. 2006. № 17; Желтухина М.Р. Вербальное медиавоздействие на политическое сознание в кризисной ситуации // Вестник ЦМО МГУ. 2011. № 3; Домышева С.А. Политический дискурс vs дискурс реагирования: оценка политика как «человека наискренного» в средствах массовой информации // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 22.

Первые зарубежные ученые, которые обратили внимание на исследование политического защитительного дискурса – теоретики коммуникации и философы Л.У. Розенфельд, Б.Л. Уэир, У.А. Линкугел, Б. Баскервиль, Г.Р. Райен, Н.У. Круз, К. Берк, Дж. Остин, Г.Л. Уилсон, У. Бенойт, Т. Беннетт, Г.Е. Макгукин, К.М. Макгроу⁷. Изучениями процедур объяснений в кризисной ситуации занимались лингвисты, социологи, психологи, политологи и криминологи. Так, типологию объяснений разрабатывали ученые Ф. Хайдер, И. Гоффман, Г. Сайкс, Д. Матза, М.Х. Скотт, С.М. Лиман, П. Шонбах, Б.Р. Шленкер, У.Р. Фишеридр⁸.

Исследованию обвинительного дискурса посвятили свои работы Г.Р. Райен, У.Л. Бенойт, Т.Н. Митрохина, О.Н. Паршина, Е.И. Анкудинова, О.З. Хабакирова, А.В. Карякин, С.А. Громыко, Е.В. Сапрыкина, Е.В. Афанасьенко⁹. В частности, исследовалась роль политических карикатур в обвинительном дискурсе такими

⁷См.: Rosenfield, L.W. "A case study in speech criticism: The Nixon-Truman analog". Speech Monographs. 35 (1968); Ware, B.L., Linkugel, W.A. "They spoke in defense of themselves: On the generic criticism of apologia". Quarterly Journal of Speech 59 (1973); Baskerville, B. "The vice-presidential candidates." Quarterly Journal of Speech 38 (1952); Bennett, W.L. "The paradox of public discourse: a framework for the analysis of political accounts." The Journal of Politics 42.3(1980); Benoit W. L. Accounts, excuses, and apologies: A Theory of Image Restoration. Albany: State University of New York Press, 1995; Austin, J. "A plea for excuses", In J.D. Urnson & g. Warnock (Eds.), Philosophical papers (pp. 123-52). Oxford: Glarendon Press; Ryan H.R. "Kategoria and Apologia: on their rhetorical criticism as a speech set." Quarterly Journal of Speech 68 (1988); Kruse, N.W. "Motivation factors in non-denial apologia." Central States Speech Journal (1977); Kruse, N.W. "The scope of apologetic discourse: Establishing generic parameters." Southern Speech Communication Journal (1981); Burke, K. The rhetoric of religion. Berkeley: University of California Press, 1970; McGraw, K.M. "Avoiding blame: an experimental investigation of political excuses and Justification." British Journal of Political Science 20.2 (1990).

⁸См.: Goffman, E. Remedial interchanges. Relations in public: Microstudies of the public order. New York: Harper & Row, 1971; Heider, F. "Social perception and phenomenal causality." Psychological Review, 51; Sykes, G.M., Matza D. "Techniques of neutralization: A theory of delinquency." American Sociological Review 22 (1957); Scott, M.H., & Lyman, S.M. "Accounts." American Sociological Review 33 (1968); Schonbach P. "A category system for account phases." European Journal of Social Psychology 10 (1980); Shlenker, W.R., Darby, B.W. "The use of apologies in social predicaments." Social Psychology Quarterly 44 (1981); McLaughlin, M.L., Cody, M.J., O'Hair, H.D. "The management of failure events: Some contextual determinants of accounting behavior." Human Communication Research (1983).

⁹См.: Ryan H.R. "Kategoria and Apologia: on their rhetorical criticism as a speech set." Quarterly Journal of Speech 68 (1988); Benoit W. L. Accounts, excuses, and apologies: A Theory of Image Restoration. Albany: State University of New York Press, 1995; Митрохина Т.М. Динамика кризисного дискурса правящей элиты (по материалам официальных выступлений председателя правительства РФ в 2008-2011 гг.) // Вестник Пермского университета. 2012. №3; Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007; Анкудинова Е.И. Манипулятивный потенциал стратегии дискредитации (на примере радиообращений Р. Лимбо) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17 (232); Афанасенко Е.В. Роль семантического повтора в реализации стратегий политической коммуникации // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 1; Громыко С.А. Речевая стратегия дискредитации в русской парламентской дискуссии начала XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3; Карякин А.В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2009. - № 2 (10).

учеными, как М.Дж. Медхорст, М.А. Десоса У.Л. Бенойт, А.А. Клюковский, Дж.Р. Макхэйл, Д. Эйрн¹⁰.

Таким образом, в отечественной науке до сих пор практически не уделялось внимания исследованию защитительных дискурсивных технологий в политической коммуникации. Несмотря на скрупулезный анализ оборонительного дискурса в зарубежной науке, данная проблема практически не исследовалась в аспекте сохранения легитимности власти. Кроме того, большинство изученных теорий носят скорее описательный, чем предписывающий характер: исследователи предлагают ряд стратегий для самозащиты, но не дают какого-либо совета по использованию этих стратегий.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- политическая коммуникация была рассмотрена с позиции сохранения легитимности власти в кризисной ситуации.

- был проведен дискурс-анализ защитительных речей Б.Н. Ельцина в новогоднюю ночь 2000 г. и руководства Израиля после обстрела миротворческой «Флотилии свободы» в мае 2010 г., проиллюстрировавший применение основных дискурсивных стратегий и тактик поведения политиков в кризисной ситуации.

- была установлена роль политических карикатур в формировании обвинительного дискурса западных стран в период российско-грузинского конфликта 2008 года.

- информационная война в России декабря 2011 года между властью и оппозицией была исследована в ракурсе обвинительного и защитительного дискурсов, направленных соответственно на опровержение и сохранение легитимности действующего режима.

- выявлены условия эффективного использования стратегий, способствующих реставрации имиджа, а также сформулирован ряд рекомендаций для формирования успешной апологии.

Объект исследования – политический дискурс. **Предметом исследования** являются дискурсивные стратегии политической коммуникации в ситуациях кризиса.

¹⁰См.: Medhurst M.J., DeSousa M.A. "Political cartoons as a rhetorical form: a taxonomy of graphic discourse." Communication Monographs 48 (1981); Benoit W., Klyukovski A.A., Mchale J.P., Aime D. "A fantasy theme analysis of political cartoons on the Clinton- Lewinsky- Starr Affair." CriticalStudiesinMediaCommunication 18 (2001).

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы раскрыть роль дискурсивных стратегий в сохранении легитимности власти в кризисной ситуации.

Для достижения цели в диссертации поставлены следующие задачи:

- определить роль политической коммуникации в формировании и сохранении легитимности власти;
- проанализировать основные подходы к исследованию политического дискурса в ситуации кризиса;
- определить роль обвинительного высказывания в формировании политической апологии;
- выявить и проанализировать возможные дискурсивные стратегии в политической коммуникации, направленные на восстановление репутации и доверия аудитории;
- исследовать тактические приемы дискурсивной атаки и защиты в политической коммуникации на примере информационной войны руководством России и оппозиции после выборов в Государственную Думу РФ VI созыва

Методологические основы исследования.

В работе применяется сочетание нескольких методов и подходов к исследованию политического дискурса. Прежде всего, используется описательный метод исследования дискурса для изучения языковых средств и стратегий, направленных на формирование определенной политической картины мира у аудитории. Кроме того, автор обращается к опыту постмодернизма, рассматривающему дискурсы как свободные и изменчивые образования, которые ведут постоянную борьбу за право конкретного способа на интерпретацию. В работе используются также элементы метода критического дискурс-анализа: рассматриваем, каким образом может быть использован язык для достижения и сохранения власти, а также изменения властных отношений в обществе. Данный метод фокусируется на таких системах и структурах дискурса, которые могут изменяться как функция соответствующих социальных условий использования языка, — или которые могут содействовать определенным социальным и политическим последствиям дискурса: это, например, влияние на социально-политические убеждения и действия реципиентов. Активно применялся метод case-study, позволяющий на конкретных примерах продемонстрировать, каким образом могут работать те или иные дискурсивные стратегии. Кроме того, в диссертации использовались такие общенаучные методы исследования, как (контент-)анализ, синтез, индукция и дедукция.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что с помощью защитительного дискурса политический деятель, управляя смыслом в кризисной ситуации, получает возможность восстановить репутацию и сохранить легитимность власти.

Эмпирическая база исследования. Информация, которая использовалась в данной диссертации, была получена на основе анализа статистики, а также российской и зарубежной прессы: печатных и электронных информационно-новостных изданий, телевизионных выпусков новостей и аналитических программ.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Кризисные ситуации в политике оказывают значительное влияние на снижение легитимности власти. При этом ситуация, ставящая под угрозу легитимность власти, может возникнуть как в результате ошибочных действий самих правящих сил, так и активной информационной атаки оппозиционных движений, ставящих своей целью дискредитацию власти и смену действующего режима. Необходимым ресурсом для управления кризисной ситуацией и сохранения легитимности в информационную эпоху становится политическая коммуникация.

- Выбор объяснительных стратегий в ситуации кризиса зависит от содержания обвинительного дискурса, явившегося причиной предложения объяснений, а также целей обвинителей. В связи с этим для понимания защитительного дискурса, а также оценки его эффективности, необходим анализ риторики обвинения, которая, как правило, основывается на одном из четырех статусов ораторского искусства Цицерона: статусе установления (отвечающего на вопрос: «Действительно ли произошло данное событие?»), определения («Что именно произошло?»), оценки («Какого рода это событие?») и отвода («Законно ли обвинение?»).

- Основу политического дискурса в ситуации, ставящей под угрозу легитимность политического деятеля или режима, составляет апология, представляющая собой защитительную речь, направленную на освобождение себя от вины за недостойные или осуждаемые действия. Можно выделить пять основных стратегий политической апологии, используемых в дискурсе, направленных на защиту репутации: концессия, извинение, оправдание, отказ/отрицание и корректирующие действия.

- В ответ на обвинения в массовых фальсификациях на выборах в Государственную Думу VI созыва руководство страны использовало следующие стратегии для сохранения репутации: отрицало как обвинения в фальсификациях выборов, так и наличия жертвы, а также сам факт наличия кризисной ситуации; попыталось ослабить негативное впечатление от события, минимизировав восприятие причиненного вреда, сократив серьезность осуждаемого действия; активно атаковало обвинителей, ставя под удар их имидж и способность внушать доверие; использовало сообщения, направленные на сглаживание болезненных чувств аудитории усилением положительных эмоций относительно автора; предложило ряд корректирующих действий для исключения возможности возникновения подобной кризисной ситуации в будущем.

- Эффективность кризисного дискурса зависит не от количества примененных стратегий, а от условий их использования: дискурсивные стратегии должны соответствовать обвинительному дискурсу, ожиданиям аудитории, сложившейся политической ситуации. Защитительный дискурс, таким образом, представляет собой способ интерпретации события. Принятие данной интерпретации или отказ от нее со стороны аудитории свидетельствует об успешности или провале апологии.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что оно вносит вклад в развитие политических коммуникативных технологий в ситуации кризиса, а также в разработку системы анализа для исследования политического защитительного дискурса. Результаты диссертационной работы позволяют уточнить механизм формирования политической картины мира в общественном сознании.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается, во-первых, в ознакомлении российских читателей с походами к изучению кризисного дискурса западноевропейскими и американскими учеными, до сих пор мало открытых отечественной публике, с целью обеспечить теоретическую базу для подобных исследований, но уже адаптированных к российской политической ситуации. Во-вторых, результаты данного исследования могут быть использованы участниками политического процесса как для формирования успешной риторической защиты в кризисной ситуации (в том числе для защиты государства от попыток дестабилизации ситуации в стране и возможности переворота), так и для создания эффективного обвинительного дискурса с целью привлечения внимания общественности к серьезным проступкам политических деятелей.

Апробация темы. Автором опубликованы три статьи в журналах, включенных в утвержденный ВАК Министерства науки и образования РФ перечень ведущих научных журналов и изданий. Автор диссертационной работы предоставлял результаты своего исследования на IX Всемирном конгрессе ISUD–Международного общества универсального диалога (Олимпия-Элида, Греция, 2012); в ходе ряда международных и всероссийских конференций и семинаров. Всего у автора имеется 9 публикаций, посвященных исследованию кризисного дискурса в политической коммуникации.

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения. Общий объем диссертации 186 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень научной разработанности проблемы, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, излагается его научная новизна и практическая значимость.

В первой главе диссертации – **«Методолого-теоретическое основание исследования дискурсивных стратегий в кризисной политической коммуникации»** – рассматривается, каким образом развивалась научная мысль по исследованию кризисного дискурса с первых попыток анализа защитительных речей до современных теорий восстановления имиджа, а также изучаются основные подходы к исследованию политического дискурса. Кроме того, анализируется сущность политической власти, условия ее формирования и опасности делегитимации.

Доказывается важность политической коммуникации в формировании народной поддержки, необходимой для формирования и сохранения легитимности власти. Джон Б. Томпсон определяет два вида политической власти – насильственную и символическую. Под символической властью Томпсон подразумевает способность вмешиваться в курс событий, влиять на действия и убеждения других, создавать события «посредством производства и передачи символических форм» (Д. Томпсон). Символическая власть не просто используется как случайный или вторичный инструмент для борьбы за политическую власть, а является неотъемлемой частью власти. Использование символической власти в информационную эпоху стало необходимым условием

для развития и поддержания веры общества в легитимность власти. Формируясь в сознании гражданина и выражаясь в его готовности исполнять требования правового порядка, принятого в государстве, легитимность современной политической власти и ее институтов находится в прямой зависимости от ее коммуникативных свойств. Уровень политического протеста населения, направленного против действующей власти, является основным источником кризиса легитимности. Так как в общественном сознании власть актуализируется посредством политической коммуникации, политическим коммуникациям в современном обществе предопределена роль «решающего ресурса» легитимности (С.Ю. Чумикова). На снижение легитимности власти влияют различного рода кризисные ситуации в политике. К кризисной ситуации, угрожающей потерей легитимности политическому лидеру или целому режиму, может привести не только кризис политической власти, проявляющей себя в неспособности управления государством, приводящей к массовому недовольству населения, но и незначительный с первого взгляда проступок, не оказывающий большого влияния на государственное управление. Это объясняется тем, что в информационную эпоху даже малые события могут иметь любого уровня последствия. При успешной обвинительной кампании оппозиционных сил незначительный проступок действующей власти (либо нейтральное действие, интерпретированное оппозицией в негативном ключе), может посредством ряда интерпретаций и оценочных суждений перерасти в политический скандал, приводящий, в свою очередь, к потере доверия и поддержки со стороны населения, а, следовательно, и к делегитимации (Г. Почепцов). Принимая во внимание, что средства массовой информации являются одним из наиболее действенных механизмов формирования и сохранения легитимности власти, можно утверждать, что политическая коммуникация в информационную эпоху представляет собой необходимый ресурс управления кризисной ситуацией.

В современной политической лингвистике сформировалось множество подходов к изучению политического дискурса. Неоднозначная природа термина «политический дискурс» проявляется в двух основных тенденциях в политической дискурс-анализе: анализ политического дискурса, в котором исследователи сами в определенной степени выполняют роль политических акторов, поддерживая либо порицая отдельные идеологии (Фэркло, Водак, Чилтон, ван Дейк и др.); а также политического дискурса как примера дискурсивного типа (Лакло, Муфф, Баранов, Шейгал, Ильин и др.).

Рассмотрев основные отечественные и зарубежные подходы к исследованию языка политики, автор пришел к пониманию политического дискурса, основанному на следующих основных концепциях. Во-первых, вслед за Е.И. Шейгал и О.В. Эпштейн, политический дискурс был определен как совокупность всех речевых актов, традиций, норм и правил, действующих в контексте конкретных ситуаций и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики. Во-вторых, политический дискурс рассматривается автором как борьба за создание значения, а также средство интерпретации события и формирования в сознании общества определенной политической картины мира. Целедостижение при этом является неотъемлемой частью политического дискурса, где основная цель – захват и удержание власти.

Во второй главе диссертации – **«Обвинительный и защитительный дискурсы в политической коммуникации»** – рассматриваются существующие классификации дискурсивных стратегий в кризисной ситуации, а также подробно исследуются дискурсы обвинения и защиты в политической коммуникации. Западноевропейские и американские исследователи в основном спорят по поводу того, что следует включить в понятие «объяснение», и в соответствии с определением предлагают свою типологию дискурсивных стратегий. Большинство из них сходятся во мнении, что объяснение следует разделять на извинение и оправдание (М. Скотт, С. Лиман, П. Шонбах, Б. Шленкер и др.). Другие понимают объяснение в более широком смысле – в качестве риторической защиты, или апологии (И. Гоффман, У. Бенойт, Х. Райсн), включая в возможные варианты защиты стратегии отрицания, сожаления и признания. Некоторые исследователи определяют группу стратегий, реализуемых политиками в процессе борьбы за власть, включая сюда стратегии дискредитации и нападения и стратегии самозащиты; при этом к стратегиям, использующимся в кризисной ситуации, относят также стратегии удержания власти и стратегии убеждения (О.Н. Паршина). Автором диссертации рассмотрены и другие варианты деления дискурсивных стратегий в ситуации кризиса: в зависимости от простоты выявления; с точки зрения агрессивности/ неагрессивности манипулирования; с точки зрения насыщения их языковыми манипуляционными стратегиями (О.В. Кашкина). Также исследователями предлагается разделять стратегии в ситуации, угрожающей делегитимацией политика, на «катеорию» и «апологию» (Х. Райсн). Под «категорией» при этом подразумевается некое обвинительное высказывание, ставящее под угрозу репутацию обвиняемого и требующее определенного ответа.

Апология представляет собой, соответственно, ответ актора на обвинительное высказывание, целью которого является недопущение потери репутации либо ее восстановление.

Была проанализирована природа обвинения, его роль в развитии кризисной ситуации, а также основные стратегии, используемые для оказания наибольшего влияния на негативное восприятие аудиторией осуждаемого поступка оппонента. Апологию, используемую в качестве ответа на обвинение, необходимо рассматривать с точки зрения мотивации оратора для реакции на обвинение, его выбор тем (которые могут отличаться от тем, выбранных обвинителем) и сущность подтверждающих материалов для апологии. Невозможно полноценно понять обвинение либо объяснение, исследуя их в отдельности друг от друга; необходимо оценивать оба сообщения одновременно – и обвинительное, и защитительное – не разделяя их (Х. Райен). Обвинение против политика всегда начинается со статуса установления, принадлежащего Цицерону; установление концентрируется на одном вопросе: было ли совершено действие. Для усиления обвинения возможно включение других статусов в обвинительную речь. Определение и/или оценка могут быть использованы для повышения критичности поведения.

Одним из способов выражения обвинения и его продвижения в широких массах стали карикатуры. Опираясь на классические каноны риторики (инвенция, расположение, стиль, подача и запоминание), установленные еще Аристотелем, западные исследователи (М. Медхорст, М. Десоса) адаптировали некоторые элементы для изображений и создали основу для теоретического подхода к анализу политических карикатур. Для исследования того, каким образом карикатуры способны формировать обвинение, диссертантом было проанализировано более шестидесяти карикатур, посвященных российско-грузинскому конфликту, целью которых являлось обвинение и критика России. Выяснилось, что карикатуры сыграли важную роль в формировании межнациональной *категории*, выдвигая против России ряд обвинений: 1) неоправданная агрессия, 2) экспансия, 3) игнорирование мнения мирового сообщества. Карикатуры представляют собой многоголосную риторическую форму, способную атаковать иначе, чем какой-либо один оратор, используя визуальные намеки и многочисленные линии в качестве аргумента, воздействуя при этом на эмоции, чаще всего вызывая чувство страха. Карикатуры, ярко выражающие мнение автора, не предоставляют возможности читателю самому осмыслить событие, предлагая уже готовую интерпретацию.

Под понятием «апология» автор диссертации понимает политическое объяснение, защитительную речь, направленную на защиту чего-либо или кого-либо, подвергающегося нападкам. В интерпретационных репликах политических объяснений выделяется три основных компонента: формальное определение действия, которое предоставляет аудитории проблему в особом контексте для правильной оценки или суждения; скрытое или явное указание аудитории (или нескольких аудиторий), которой адресовано объяснение и от которой ожидаются соответствующие ответы на сформулированную проблему; наличие доступных проверке утверждений (У. Беннетт). Предлагая переопределение противоречивого действия, объяснение скрыто признает, что решается легитимный вопрос, и значит, на кону политическая позиция актора.

Можно выделить пять антикризисных стратегий, используемых в дискурсе, направленном на защиту репутации: концессия, извинение, оправдание, отказ/отрицание, корректирующие действия. Оправдание – это стратегия объяснения, в которых принимается ответственность за действие, но отрицается негативный характер этого действия. Автор выделяет семь типов оправданий: 1) минимизация (преуменьшение либо отрицание вреда); 2) самореализация; 3) атака на обвинителя; 4) дифференциация (сравнение со схожими поступками других, но более серьезными в глазах аудитории); 5) ссылка на высший авторитет; 6) ссылка на высшие ценности – политические, моральные, религиозные; 7) демпфирование (сокращение негативного впечатления от действия или сглаживание болезненных чувств аудитории путем усиления положительных эмоций относительно актора). Под извинением автор понимает объяснение, в котором обвиняемый признает отрицательность, неверность и неуместность деяния, но в то же время отрицает полную за него ответственность. В диссертации выделяется пять типов извинений: 1) неконтролируемость (заявление, что у актора не было достаточно знаний, либо информация была не доступна); 2) намерение (ссылка на несчастный случай, заявление о хороших намерениях); 3) перераспределение ответственности; 4) причинное извинение (минимизация вовлеченности); 5) дееспособность. В стратегии отрицания, как правило, утверждается, что не было ни неприемлемого поведения, ни подобной ситуации, в связи с чем все упреки неуместны. Концессия включает в себя осознание отрицательных последствий, принятие ответственности за деяние, выражение сожаления либо угрызения совести, извинение и просьбу о прощении. Для иллюстрации использования политиками апологетических стратегий в кризисных ситуациях в диссертации было проведено два исследования

политического дискурса, направленного на восстановление репутации. Первое исследование касается предновогоднего обращения к нации первого президента России Б.Н. Ельцина, в котором он объявляет об отставке и дает объяснения проводимой губительной для государства политики. Особенностью защитительного обращения президента стало то, что он использовал объяснения, затрагивающие исключительные нормы и апеллирующие к абстрактной правомерности, обращаясь для защиты к таким элементам, как мотивы, мораль и цели, достоверность которых невозможно проверить. Для сокращения негативного эффекта Ельцин использовал стратегии трансцендентности, демпфирование, ссылку на высшие ценности. Оратор пытается избежать ответственности с помощью стратегий минимизации, неконтролируемости и заявления о добрых намерениях. Кроме того, президент либо игнорировал ряд выдвинутых против него обвинений, либо отрицал свою причастность к ним. Данная речь возымела в целом положительный эффект на имидж Ельцина, оставив в памяти большого числа россиян образ героя, мужественно оставивший свой пост.

Второе исследование посвящено анализу кризисного дискурса Израиля, к которому он был вынужден прибегнуть после обстрела «Флотилии мира», направлявшейся в сектор Газа с гуманитарным грузом. Для преодоления делегитимации со стороны международных сообществ и соседних государств Израиль использовал следующие стратегии: избегание ответственности, выраженное в заявлениях о провокации; извинение (включало в себя атаки на оппонентов, трансцендентность); корректирующие действия. Израиль не смог избежать ответственности, но ему удалось частично сократить негативный эффект с помощью стратегий трансцендентности и атаки на обвинителя.

Данные исследования демонстрируют, что политическая апология способна оказать влияние на восприятие аудиторией того или иного негативного события или поведения, нейтрализуя отрицательные эмоции и при этом выдвигая на передний план все положительное, связанное с обвиняемым субъектом.

Третья глава диссертации – «Тактические приемы обвинительного и защитительного политических дискурсов (на материале поствыборной ситуации в РФ в 2011г.)» – посвящена информационной войне между оппозицией и одержавшей победу на парламентских выборах пропрезидентской силой. Автор рассматривает стратегии обвинения и защиты, предпринимаемые политическими лидерами с целью достижения доминирования в борьбе за интерпретацию кризисной ситуации и формирование в сознании аудитории определенной

политической картины мира. Цена вопроса состояла в сохранении легитимности действующего режима.

Диссертантом был проанализирован обвинительный дискурс оппозиции, сформированный вокруг заявлений о массовых фальсификациях на выборах в Государственную Думу в пользу правящей партии, определена и оценена тематика обвинения, сущность материалов, используемых для доказательства совершения негативного действия. На делегитимацию власти были направлены как внутренние силы (системная и несистемная оппозиции), так и внешние (НАТО, ЕС). Обвинения начались со статуса установления, где утверждается неприемлемость действия. Оппозиция объявила итоги выборов сфальсифицированными, утверждая, что «Единая Россия» могла набрать 50% голосов только с помощью массовых нарушений. Для усиления обвинения оппозиция включает в свои заявления и другие статусы. Так, в рамках статуса определения обвинители говорят в основном об отдельных случаях нарушений, представляя доказательства в виде неверно оформленных протоколов и видеозаписей, а также «признаний», по их словам, очевидцев. Обвинителями также активно использовался дискурс, сформированный вокруг статуса оценки, отличающийся апеллированием скорее к эмоциям, чем к разуму.

Автор показывает, что с помощью ряда дискурсивных стратегий обвинители попытались увеличить негативное восприятие проведенных парламентских выборов. Во-первых, негативность события в глазах аудитории усиливалась сообщениями, прямо или косвенно демонстрирующими, каким образом действия властей влияют непосредственно на жизнь. Нарушение прав человека как негативное влияние действий российских властей на аудиторию – лейтмотив обвинительного дискурса стран-членов Североатлантического альянса. Во-вторых, оппозиционные лидеры и западные коллеги много раз обращали внимание на постоянство негативных эффектов от действий руководства РФ: оппозиционные новостные издания и телепрограммы очень большое внимание уделяли действиям правоохранительных сил во время митингов и шествий, подробно описывая каждое неверное, с их точки зрения, действие представителей властей, посвящая каждому эпизоду значительную долю эфира или страницы. Освещение небольших и незначительных по величине событий в намного более крупном масштабе создает впечатление глобальности нарушений обвиняемой стороны. Третьим выявленным автором направлением в усилении воспринимаемого негативного эффекта стало обвинение в противоречивости действий руководства страны. В-четвертых, оппозиция предприняла попытку

усилить негативный эффект заявлениями об обязанности защищать жертву. Таким образом, целью данных сообщений являлось создание, а затем и нарастание резко негативного эмоционального фона вокруг парламентских выборов. В итоге перед властями стояли две основные задачи: (1) адекватный ответ, касающийся статуса установления вины, (2) нейтрализация негативных эмоций, связанных с выборами, и, следовательно, погашение революционных настроений.

Диссертант исследовал тактические приемы дискурсивной защиты, которые предпринимались представителями власти для погашения революционных настроений и сохранения легитимности власти. Автором были выявлены следующие стратегии, использованные для восстановления репутации: отрицание, оправдание, извинение, корректирующие действия. Простое отрицание представители власти активно снабжали атакой на аргумент: поддерживая отрицание, ответчики подвергали сомнению подлинность видеоматериалов, демонстрирующих нарушения. Для отрицания жертвы использовалось ее осмеяние, а также сравнение с другими отрицательными персонажами. Один из наиболее часто используемых в исследуемый кризисный период способов отрицания – ссылка на участие третьих лиц (подстрекателей и провокаторов). Кроме того, отрицался сам факт наличия кризисной ситуации.

В диссертации был определен ряд оправдательных стратегий, использованных представителями власти для ослабления негативного впечатления от события. Во-первых, минимизировалась серьезность отрицательного действия и несущественность масштаба протестных акций. Во-вторых, использовалась стратегия атаки на обвинителя для подрыва доверия к оппозиционным лидерам: отрицалась либо уничижалась жертва, западные страны и США обвинялись в экспорте революций, оппозиционеры – в финансировании и организации митингов из-за рубежа. Для усиления негативного образа обвинителей-митингующих активно упоминались среди участников ярко отрицательные в глазах большинства россиян политики и общественные деятели, и их качества переносились на всех участников антипутинского движения. В-четвертых, обращались к стратегии ссылки на высшие ценности (в частности – на букву закона) с заявлениями о возможности оспорить результаты голосования только в суде. В-пятых, представители власти старались сгладить негативные чувства аудитории усилением положительных эмоций относительно актора с помощью стратегии демпфирования: возможность выражения гражданской позиции в России посредством митингов, демонстраций, а также сам факт наличия оппозиционных течений выступает «смягчающей подушкой» в анализируемой

кризисной ситуации. Для смягчения удара восхваляется профессиональность и качественность организации выборов; цель митингов на площади Революции – подчеркивание положительных качеств обвиняемой стороны, демонстрация силы и большинства. Кроме того, для минимизации негативного эффекта В.В. Путин напомнил гражданам о своей положительной роли в судьбе России. С помощью еще одной стратегии – трансцендентности – обвинения в фальсификациях на выборах перемещаются из контекста, подразумевающего полную смену власти, в правовое поле, где нарушения рассматриваются лишь с точки зрения компетенции суда. Для погашения протестных настроений был предложен ряд корректирующих действий: возвращение прямых губернаторских выборов; отмена необходимость сбора подписей на федеральных и региональных парламентских выборах и введение упрощенного порядка регистрации политических партий; поэтапная децентрализация власти; создание общественного телевидения на базе одного из федеральных каналов. В апологии практически не использовались стратегии, направленные на сокращение ответственности, поскольку они вошли бы в противоречие с главным (анти)тезисом защиты – отрицании предъявленных обвинений.

Таким образом, главная позиция, на которой основывался весь кризисный дискурс власти после выборов 4 декабря 2011 года в Государственную Думу, – отрицание совершения каких-либо неправомерных действий, которые могли бы существенным образом повлиять на итоги парламентских выборов. Повышение после исследуемой информационной войны рейтинга поддержки В.В. Путина, его победа в первом туре президентских выборов, а также затухание протестных движений говорят в целом об успехе кризисного дискурса в поствыборной коммуникации.

Положительный результат информационной борьбы определяется рядом факторов. Прежде всего, апология полностью соответствовала обвинительному дискурсу оппозиции, как в отношении статусов, так и в формате использованных стратегий усиления обвинения. Кроме того, в защитительной риторике отсутствовала противоречивость стратегий. Наконец, все субъекты обвинения: В.В. Путин, Д.А. Медведев, В. Чуров, члены партии «Единая Россия», лояльные власти СМИ, а также принимавшие участие в защите политологи и аналитики – использовали одни и те же приемы апологии, направляя свои высказывания на поддержку объяснений других товарищей по защите.

В **Заключении** делаются основные выводы и приводятся результаты исследования, сделаны выводы; предложены направления дальнейшего изучения данной научной проблемы.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публикации в ведущих рецензируемых журналах и изданиях перечня ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Чурашова Е.А. Обвинительный дискурс в постэлекторальной коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. – №1. – 2013. – С. 45-51. (0,35 п.л.)
2. Чурашова Е.А. Российско-грузинский конфликт в картинках: анализ обвинительного дискурса западных карикатур // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – № 2. – 2012. – С. 191-200. (0,45 п.л.)
3. Чурашова Е.А. Израиль vs. «Флотилия Свободы»: спасение расстрелянного имиджа. Анализ кризисного дискурса // В мире научных открытий. – № 11.7 (23). – 2011. – С. 1901-1911. (0,47 п.л.)

Научные статьи, научные доклады, материалы научных конференций

4. Churashova E.A. Battle for Interpretive Dominance // Skepsis. Proceeding of the Ninth World Congress. Olympic and Elian Dialogues. – ISUD. – XXII/iii – 2012. – P. 248-253.
5. Чурашова Е.А. Кризисный дискурс первого президента РФ: прощание под Новый год // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Научное творчество XXI века» (приложение к журналу «В мире научных открытий»)/ Под ред. Я.А. Максимова. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. – С.196-197.
6. Чурашова Е.А. Американский предвыборный дискурс 2008: крах риторики запугивания // Философия. Язык. Познание: Сборник материалов, посвященных 10-летию кафедры теоретических основ коммуникации и юбилею доктора философских наук, профессора Э.А. Тайсиной / Под ред. Н.М. Мухарямова, М.Н. Закамуллиной, О.Б. Януш. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2011. – С. 230-232.

7. Чурашова Е.А. Критический анализ дискурса Израиля по восстановлению имиджа // Материалы докладов VI Международной молодежной научной конференции «Тинчуринские чтения»/ Под ред. Ю.Я. Петрушенко. В 4 т.; Т.4. – Казань: Казан.гос.энерг.ун-т, 2011. – С. 84.

8. Чурашова Е.А. «Категория» и «апология» в политических коммуникациях // Материалы докладов VI Международной молодежной научной конференции «Тинчуринские чтения»/ Под ред. Ю.Я. Петрушенко. В 4 т.; Т.4. – Казань: Казан.гос.энерг.ун-т, 2010. – С. 99-100.

9. Чурашова Е.А. Битва за право на интерпретацию // Материалы докладов XIII аспирантско-магистрского научного семинара, посвященного Дню энергетика/ Под ред. Ю.Я. Петрушенко. В 2 т.; Т.2. – Казань: Казан.гос.энерг.ун-т, 2010. – С. 219.